

Ду Аньинь

ПАДЕНИЕ БАШНИ ИСКУШЕНИЯ.

Freedom

Москва

2025

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

«Падение Башни Искушения»

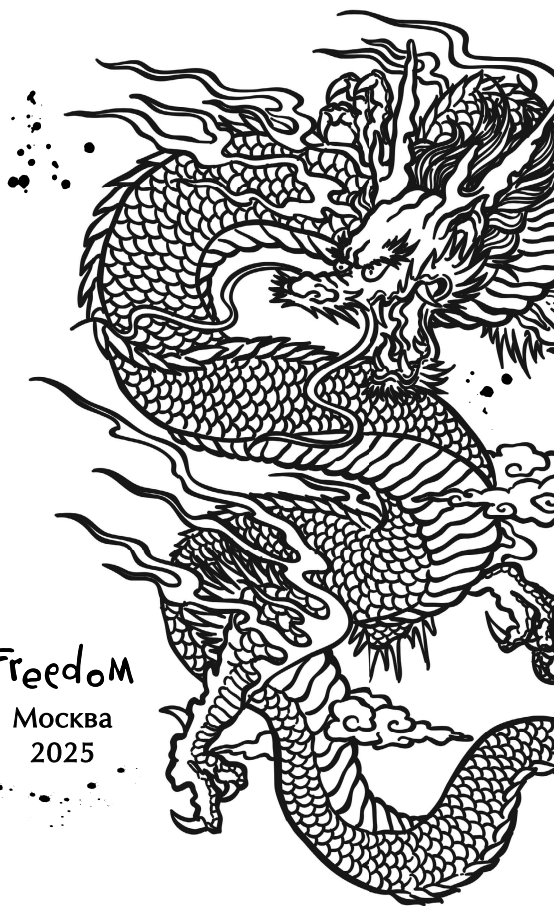
Продолжение следует...

Ду Аньинь

ПАДЕНИЕ БАШНИ ИСКУШЕНИЯ.

Freedom

Москва
2025

УДК 821.581-312.9
ББК 84(5Кит)-44
Д79

大梵宮

©杜安隱 2019

Original Chinese copyright © 2019 by 四川文艺出版社有限公司

Russian copyright © 2025 by EKSMO Publishing House

Russian translation edition arranged with

四川文艺出版社有限公司

Иллюстрация на обложке *WEYPI*

Художественное оформление *К. Оскаровой*

Ду Аньинь.

Д79 Падение Башни Испытания / Ду Аньинь ; [перевод с китайского П. Янченко]. — Москва : Эксмо, 2025. — 576 с. — (Freedom. История двorca Дафань).

ISBN 978-5-04-200620-3

Судьба всех живущих такова, что их стремления по сути своей абсурдны, мечты в конце концов растворяются в потоке времени, а участь непременно будет трагична.

Эта история произошла много-много веков тому назад, в эпоху Южных и Северных династий. В мире, где власть сосредоточилась в руках Сына Неба, а территории поделены между императором и его верными советниками, равновесие пошатнулось.

Ради собственных амбиций люди готовы были пойти на что угодно. Чиновник императорской канцелярии Цао Гуй восстал против императора, погубив не одну душу: его друг чиновник Мужун Синь умирает, выпив отравленное вино, а его жена, не способная вынести такого позора, сжигает родовое поместье и сама сгорает в огне.

Как бы сильные мира сего ни стремились получить желаемое, нельзя пренебрегать волей Небес. Император Юйвэнь Ху, упивавшийся величием, позабыл об этой простой истине. Развращенный богатством и человеческими страстями, он решил, что сможет обрести бессмертие... И помогать ему в этом готова прекрасная Цин Няоло. Девушка, способная на самые гнусные поступки, чтобы сохранить статус любимой наложницы императора.

Так начинается падение рода Юйвэнь и ознаменование новой эпохи, начавшейся с создания Дворца Божественного Величия

УДК 821.581-312.9

ББК 84(5Кит)-44

© Янченко П., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-200620-3

Судьба всех живущих такова, что их стремления по сути своей абсурдны, мечты в конце концов растворятся в потоке времени, а участь непременно будет трагична.

Наступил четвертый месяц, была весна, небо и земля пробудились, и все вокруг благоухало.

Сановник Мужун Синь в одиночестве прогуливался по дорожкам, вымощенным белым мрамором, размышляя о предстоящем пиршестве во Дворце Благополучия, где обычно обсуждались дела столичного города Дундучэн, а сегодня должны были собраться чиновники, созванные его величеством Юйвэнь Ху.

В четвертом месяце Дундучэн начинал зеленеть, уже были слышны песни первых птиц — весна уверенно вступала в свои права. Однако у Мужун Синя было беспокойно на сердце, вместо весенней красоты он видел сплошную пустоту. По обеим сторонам от каменных сту-

пенек в живописном беспорядке были высажены пионы цвета бирюзы. Повернутые против ветра, они словно хвалились своей грациозностью. Краем глаза Мужун Синь заметил впереди фигуру в красном одеянии: это чиновник императорской канцелярии Цуй Жусу остановился и как раз сосредоточенно рассматривал цветы. Мужун Синь замедлил шаг.

— Господин Цуй тоже думает о делах сердечных, когда смотрит на пионы? — Он овладел беспокойством и попытался слегка пошутить.

— Сановник Мужун — главный красавец на сто ли¹ вокруг Восточной столицы, это вас считают самым завидным женихом, куда уж мне, в мои-то годы, тягаться? — неопределенно ответил чиновник Цуй. Мужун Синь запнулся, не зная, что сказать.

Он недовольно посмотрел вдаль, но никого не увидел. Почему же сановник Цао еще не пришел, как было условлено?

— Пион — самый прекрасный из цветов, кто же не расчувствуется при виде него? Его величество собирается выставить свою любимую «Бирюзу семейства Оу» на всеобщее обозрение, в этом есть что-то таинственное, вы так не считаете, сановник?

Цуй Жусу двумя руками поправил свой форменный головной убор, вернув к реаль-

¹ Ли — китайская мера длины, равная приблизительно 0,5 км.

ности Мужун Синя, охваченного грустными думами.

«Бирюзу семейства Оу» впервые вырастил в городе Пинчэн садовник по фамилии Оу. Он подкармливал ростки белых пионов специальными снадобьями, благодаря чему распускавшиеся цветы приобретали светло-бирюзовый оттенок. Это был чрезвычайно редкий и ценный сорт пионов, их использовали в качестве подношений и ежегодно поставляли только государеву двору.

— Ныне в государстве царит мир, простой народ наслаждается честным трудом и спокойной жизнью, а государь предпочитает весело проводить время с приближенными. О каких тайнах может идти речь!

Мужун Синь был полностью согласен с мыслями Цуй Жусу, но ему оставалось только изо всех сил скрывать это.

— Мне недоступно угадать мысли государя, я всего лишь его слуга. Слышали, что сегодня сановник Цао собирается подарить его величеству красавицу, искусную в танцах и игре на бамбуковой флейте? Разве он не презирал тех, кто пытался с помощью женской красоты получить расположение правителя? Отчего же такая перемена?

Кончик носа Цуй Жусу прикоснулся к лепестку пиона, а его лицо приобрело вопросительное выражение.

— Если у правителя есть увлечение, подчиненные должны разбираться в нем. Неужели

господин Цуй подозревает, что у меня есть скрытые намерения? — Крепкий коренастый сановник Цао со слегка позеленевшим от недозволяемости лицом стремительно подошел к ним и, не давая ответить Мужун Синю, принял удар на себя.

— Ну как можно, сановник. А где же сама красавица? — За изворотливость и скрытность Цуй Жусу получил прозвище Лис Цуй. Сейчас он обратил лицо с натянутой улыбкой за спину Цао Гуй.

— Можете не беспокоиться, господин Цуй, красавица уже отправлена во дворец. Вы сможете ее увидеть во время пира. — За спокойным тоном Цао Гуй тщательно скрывал тревогу.

— Хорошо, в таком случае позвольте откланяться. — Цуй Жусу с насмешкой поклонился, соединив руки перед собой, и ушел.

Мужун Синь и Цао Гуй стояли рядом, любуясь «Бирюзой семейства Оу». Легкий ветерок разносил в воздухе нежный аромат пионов.

— Хэйюй, оставь ты это. Полжизни уже борешься, пора успокоиться.

Мужун Синь обратился к Цао Гую, используя его детское имя¹. Тот родился со смуглой и гладкой кожей, с самого детства любил нырять и плавать по дну озера, так что такое имя ему точно подходило. Мужун Синь поднял голову

¹ Детское имя — прозвище, даваемое маленьким детям в Китае, чтобы уберечь их от злых духов. «Хэйюй» дословно означает «Черная рыбка».

и взглянул на небо — у горизонта плыла черная как смоль туча. Подступала духота.

— Ты еще не видел этот мой новый красный наряд? Людям нравится зеленый цвет, такой, в котором отчетливо чувствуется энергия инь. Я же больше склоняюсь к красному цвету, такому, что горит как огонь, сверкает как огонь и как огонь пылок.

Цао Гуй провел рукой по изображениям чудесных зверей, искусно вышитых на его алом одеянии. Его лицо было суровым, а голос звучал хрипло, будто он уже приготовился к новой жизни после смерти.

— Огонь? Но ведь он легко может и тебя спалить, Хэйюй. — Видя упрямство Цао Гуя, Мужун Синь решил не тратить силы на уговоры.

— Ничего, счастье или горе, успех или поражение — это мы очень скоро увидим! — Цао Гуй поправил воротник Мужун Синя, в его голосе звучала решительность.

— Хэйюй! — тихо сказал Мужун Синь, не двигаясь с места, и два ручейка слез вдруг хлынули из его глаз. Он вспомнил то время, когда они вдвоем поступили на военную службу, вместе проливали кровь на поле битвы, рискуя жизнью. Один из них был кочевником-сяньбийцем, а другой — ханьцем¹ из срединных земель, их характеры и привычки различались, что вовсе не мешало крепкой дружбе, завязавшейся между ними.

¹ Ханьцы — крупнейшая народность в составе Китая.

Во Дворце Благополучия уже собрались и расположились друг напротив друга гражданские и военные чиновники, а над ними, возвышаясь, на троне дракона сидел его величество Юйвэнь Ху. На нем был искусно сделанный парадный головной убор, но кожа на вытянутом, как кабачок, лице была дряблой, под глазами висели темные мешки — то была усталость, вызванная распутством и пьянством. Только взгляд ярко сияющих глаз правителя был тигриным¹, внушая трепет и уважение, и хотя в нем не было гнева, у любого, на кого обращался этот взор, по коже пробегал холодок.

Мужун Синь робко сидел на своем месте. По правую сторону от него удобно расположился титулованный полководец Юйчи Гун, главнокомандующий армией на восточной границе. Про себя Мужун Синь поразился, что вместо того, чтобы охранять жизненно важные окраины государства, Юйчи Гун примчался в столицу. Зачем ему это надо? Место слева пустовало. Оно принадлежало брату правителя Юйвэнь Чжоу, который никогда не заботился о соблюдении церемониала и этикета, свойственного культуре срединных земель, опоздания были для него

¹ Иероглиф «Ху» в имени правителя означает «тигр».

в порядке вещей, поэтому Мужун Синь не придал большого значения его отсутствию.

Потолок зала был украшен разноцветной глазурью, которая обычно излучала красивое загадочное сияние, но сейчас была прикрыта слоем бюризového тюля. Проходя сквозь него, черные тени приобретали форму жутких чудищ. Мужун Синь вдруг подумал о бирюзовых пионах, беспокойно качавшихся на ветру, готовых вот-вот упасть. Беспокойство еще сильнее охватило его: обычно светлый и просторный зал государева дворца сегодня был совсем иным.

Тут перед его взором проплыли белые одежды. Под звуки циня и сэ¹, сопровождаемые переливами шэн и юя², выплыла группа красавиц, одетых в скромные платья для танца байчжу³. На них были украшения из жемчуга и самоцветов, и жемчугом же были расшиты их туфли. Следуя звукам музыки, девушки высоко вскидывали длинные рукава, порхая по залу, словно богини, спустившиеся с небес.

— Как же все-таки хорошо в столице! Давно уже у меня не было возможности полюбоваться танцем байчжу.

¹ Традиционные струнные китайские инструменты, по форме напоминают длинные гусли.

² Традиционные духовые китайские инструменты, по форме напоминают связку свирелей с единым дульцем.

³ Традиционный женский китайский танец, исполняется под мелодичную музыку в платьях с длинными рукавами.

Юйчи Гун взял в руку чарку с вином. Хотя волосы его уже поседели, но хищный взгляд барса остался при нем. Покрасневшими глазами он пожирал грациозных девушек, танцевавших в центре зала. Когда Юйчи Гун открывал рот, оттуда вместе со вздохами восхищения вырывался крепкий запах алкоголя.

Мужун Синь пил вино, склонив голову, и делал вид, что ничего не слышал: он не хотел вступить в разговор. Когда-то этот Юйчи Гун был его противником на поле боя, но в обычной жизни они почти не пересекались.

— Играет бровями, а рукава ее платья кружат точно снег, на свете прелестниц, подобных ей, нет. О, как ценна и редка ее красота, страну покорить способна она¹. Цитра и гусли еще не запели, а на душе у меня уже скорбь. Как же мне тесен наряд этот пышный, лишь через силу владею собой и вспоминаю тот танец чудесный и все тоскую по ней — неземной! Пора уж кружить, но она замирает, будто в раздумья надолго ушла!² Служанки из приграничных постоялых дворов часто танцуют байчжу, но в их исполнении сложно увидеть истинную красоту. Покорно благодарю его величество за оказанную милость, благодаря ей я, можно сказать, прозрел.

¹ Цитата из стихотворения Ли Бо (701–762/763) «Три стиха о байчжу», ок. 726 г.

² Цитата из стихотворения Тан Хуэйсю (2-я пол. V в.) «Три песни о байчжу».

На щеках Юйчи Гуна проступил румянец, будто след от ледяного ветра с пограничной заставы. Он продолжал болтать без разбору, и от лести и заискиваний, таившихся в его речах, Мужун Синю стало неприятно. Даже славные мужи, геройски проявившие себя на поле боя, покорно сдаются удобствам столичной жизни.

Охранять рубежи государства — дело неблагодарное, Мужун Синь на себе испытал ледяной холод пограничных застав. Он поднял чарку с вином за Юйчи Гуна, прикрыл половину лица рукавом чиновничьего халата и украдкой бросил взгляд на Цао Гуя — тот тоже смотрел на него! До дна! Он запрокинул голову и, закрыв глаза, осушил чарку. На душе стало пусто и холодно от всплывших в голове печальных стихов: «Завтра горы разделят с тобою нас на долгие-долгие дни»¹.

В центре зала танцовщицы вскидывали к потолку руки, белоснежные мягкие рукава их платьев развевались, будто качаясь на ветру. Девушки склонялись и кружились в волнующем танце, рукава их платьев то прикрывали им лица, то резко взлетали ввысь, то расправлялись, подобно паре крыльев. Танцовщицы улыбались и бросали на зрителей быстрые взгляды, полные тоски и печали. Из-под завесы белых рукавов проглядывали очертания их прекрасных лиц,

¹ Цитата из стихотворения Ду Фу (712–770) «Посвящая Вэй Ба, живущему на покое», 758 г.

взгляды танцовщиц очаровывали и завораживали, а движения обольщали и кружили голову. Государь и присутствовавшие аристократы и чиновники пировали и веселились от души, наслаждаясь атмосферой единения с подобными им самим талантливыми и добродетельными мужами.

После того как танцовщицы в белых одеждах покинули зал, звучно и наперебой, словно дождевые капли, загрохотали барабаны, и в центр, кружась на белоснежных босых ногах, выбежала танцовщица, одетая в платье из легкой прозрачной красной ткани. Лицо этой девушки было холодно и неотразимо, в середине лба была нарисована киноварная точка, бирюзовые глаза, тонкие губы и грациозная фигура выдавали в ней чужеземку, таинственную и манящую.

Мужун Синь понял, что это была та самая красавица, которую Цао Гуй преподнес государю в подарок. Она исполняла танец бхаратнатьям¹.

Вдруг в ушах Мужун Синя словно застучали барабаны, лоб покрылся холодным потом, и он в страхе опустил голову. Словно порыв сурового ветра, его охватили невиданные прежде ужас и волнение: краем глаза он увидел, что перед огромными дверьми зала молчаливо выстроились солдаты. Как это понимать? Он опустил

¹ Бхаратнатьям — классический индийский танец, каждая композиция которого рассказывает некую историю из мифологии.